

Agnieszka Gołębiewska-Suchorska
Uniwersytet Kazimierza Wielkiego

**ОТ ЦАРЕВНЫ ЛЯГУШКИ ДО ДЖУНЫ.
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О БРОДЯЧЕМ МОТИВЕ
«ОЖИВЛЯЮЩЕГО ПРИКОСНОВЕНИЯ»**

**From The Frog Princess to Juna.
Several Comments Regarding the Recurring Theme of “Invigorating Touch”**

ABSTRACT: In the article methods of using the recurring theme of “invigorating touch” in Russian literary works of various genres and literary trends were analyzed. The theme of invigorating nature with touch was found by the author in a folk tale entitled “The Frog Princess” in the life of Saint Fevroniya of Murom, in an Orthodox teaching parable “Holy shadow” and in publications of modern esoteric discourse – books by psychic Juna (Eugenia Yuvashvna Davitashvili) and neo-quack doctor Natalia Stepanova. The purpose of the analysis was to show that the reason for the popularity of “invigorating touch” is its symbolism which expresses the idea of the eternal struggle between good and evil. The analysis of using the theme in selected works allows to come to the conclusion that the permanent symbolism of “invigorating touch” can have various purposes. The theme was used in order to present the magical strength of a character in a folk tale, to prove the sinlessness of Orthodox saints and authenticate healing powers of modern Russian healers.

KEYWORDS: folk tale, folklore, esoteric discourse, psychic, recurring theme

Мотив – это элемент сущностный для понимания смысловой концепции текста, обладающий исторически универсальным набором значений и благодаря этому способный «бродить» от одного произведения к другому. Являясь инвариантным, т.е. имея устойчивую основу, мотив одновременно выступает в различных версиях и наполняется дополнительным смыслом в новом контексте. Можно говорить о знаковости мотива, т.е. его художественно-образной выразительности и значимости как в рамках одного текста, так и в его повторяемости от текста к тексту. В каждом варианте мотива востребованной

оказывается главная семантическая возможность, заложенная в его универсальных символических свойствах.

Под мотивом «оживляющего прикосновения» понимается нами «тема неразложимой части произведения»¹, элемент способен выражать целостную тему произведения и указывать на его концепцию. Предмет данного исследования составляет вопрос об основах релевантности мотива оживления природы, который оказывается устойчивым репертуаром литературной памяти, наследуемым как народной и церковной традициями, так и современным эзотерическим дискурсом. В качестве объекта исследования выбраны разножанровые тексты, главный герой которых обладает способностью оживотворять увядшие растения. Материалом для анализа послужили народная сказка *Царевна-лягушка*, *Житие Перта и Февронии Муромских*, притча *Святая тень протоиерея Григория Дьяченко*, эзотерическая литература Натальи Степановой, а также журнальные статьи о деятельности русского экстрасенса Джуну Давиташвили и книги этой целительницы.

В мотиве «оживляющего прикосновения», воплощенном в выбранных нами для анализа текстах, заимствование главной идеи идёт из древнейших мифов, легенд, верований и невозможно определить автора его первичной версии. Мотив оживления во всех своих вариантах – наполнения жизнью, воскрешения, исцеления, является, по замечанию В. Гиппиус, древним «как само человеческое сознание. История его начинается с наивных мифических представлений о создании людей и животных из земли, глины, дерева, камня – одним властным словом»². На следующих ступенях культуры данный мотив нашел свое воплощение в различных сферах деятельности людей, между прочим в литературе и искусстве. В литературном творчестве нового времени мотив оживления разрабатывался по преимуществу как оживление портрета или изваяния, восходящее к мифу о статуе Галатеи, одушевленной Афродитой (например *Портрет Николая Гоголя* или *Портрет Дориана Грея* Оскара Уайльда)³. По библейскому мотиву оживления человека Богом создана,

¹ Мы будем опираться на тематическую концепцию мотива, берущую начало в трудах Б.В. Томашевского, см., напр.: Б.В. Томашевский, *Теория литературы. Поэтика*, вступ. статья Н.Д. Тamarченко, Москва 1996, с. 182.

² В.В. Гиппиус, *Люди и куклы в сатире Салтыкова*, [w:] В.В. Гиппиус, *От Пушкина до Блока*, отв. ред. Г.М. Фридендер, Москва, Ленинград 1966, http://feb-web.ru/feb/classics/critics/gippius_v/gip/gip-295-.htm (30.06.2015).

³ См. также, например: М.И. Плютова, «Оживающие» портреты в творчестве А.С. Грина, „Сибирский филологический журнал” 2014, № 4, с. 61–65; Р.М. Ханинова, *Сон-экфраза и «оживший» экфрагис в прозе А.Н. Толстого 1910–1920-х гг.*, „Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки” 2008, № 10 (34), с. 150–156; М.Л. Сидельникова, *Мотив «ожившего» изображения в художественном мире*

например, роспись потолка в Сикстинской капелле *Сотворение Адама*, в которой Микеланджело Буонарроти изобразил Создателя, протягивающего руку просыпающемуся Адаму, и таким образом передающего ему жизнь. В функции демиурга выступает также сказочная Царевна-лягушка, которая на пиру ест и пьет, а из остатков еды в танце творит прекрасный мир:

Начали закусывать; царевна огложет костью, да и в рукав, выпьет чего – остатки в другой рукав. Те снохи видят, чего она делает, и они тоже кости кладут к себе в рукава, пьют чего – остатки льют в рукава. Дошла очередь танцевать; царь посылает бо́льших снох, а они ссылаются на лягушу. Та тотчас подхватила Ивана-царевича и пошла; уж она плясала-плясала, вертелась-вертелась – всем на диво! Махнула правой рукой – стали леса и воды, махнула левой – стали летать разные птицы. Все изумились. Отплясала – ничего не стало⁴.

Лягушка в сказке – представительница сверхъестественных сил. Способность оживлять/творить природу, не свойственная естественному порядку вещей, становится доводом ее необыкновенности, мощности. Образ царевны является рудиментом памяти о дохристианских мифологических персонажах, связанных с космогоническими мифами. Благодаря фольклорной символике лягушки – женственной, брачной, весенней⁵, сказочная Царевна-демиург, способная создавать природные блага, получает углубленную характеристику. Героиня находится в постоянном противостоянии с силами зла – образ лягушки-творца противопоставляется Кощею, ее противнику-разрушителю. Взаимоотношения этих персонажей являются выражением оппозиции жизни и смерти и, таким образом, становятся средством раскрытия мировоззренческого содержания сказки. Мотив оживления природы выполняет в анализируемой сказке две основные функции, первая из которых гносеологическая. Способность выпускать из рукава озеро и гусей-лебедей, плывущих по нему, вместе с мотивом трудолюбия (Царевна ткёт, шьёт, печёт) характеризует героиню, является способом ее презентации как носительницы определённых моральных качеств. Вторая функция мотива – аксиологическая, заключается в выражении нравственных ценностей, так как способность наделять жизнью свойственна тем, чьи качества и поступки соответствуют нравственным

А.К. Толстого: неклассическое содержание классической формы, „Вестник Бурятского государственного университета” 2013, № 10, с. 103–106.

⁴ *Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3 т.*, подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков; отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов, Москва 1985, № 267, см. также № 268.

⁵ См., напр.: *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, под ред. Н.И. Толстого, Т. 3, Москва 2004, с. 162–164.

нормам. Таким образом, мотив оживляющего прикосновения в сказке о Царевне лягушке указывает на общую концепцию произведения, эксплицируя заложенную в народном мировоззрении систему моральных ценностей.

В текстах церковной дидактической литературы способность оживлять прикосновением не характеризует персонажей как демиургов. Святые в житиях действуют не по своему разумению, а по Божьему соизволению, поэтому способность оживлять природу является свидетельством их избранничества Всевышним. Даром исцеления больных и чудотворения обладала, например, святая Феврония Муромская. Она заставила за одну ночь расцвести в большое дерево мертвые обрубки, воткнутые для костра:

Князю и княгине на вечери ужину начат готовити и припасати древца малые, на них же котлы висяху. По вечери же княгиня Феврония ходяше на берегу, и пришед к тем древцам малым, и благослови их, и рече: «Растите и будите на утрие велики и зелены и листвие имуще многое». Наутрие ж тако и сбыться. Воставше заутра, и обретесь те древа зело велика и ветве зеленое зыблются малыми ветры⁶.

Чудесное возвращение веткам утраченной жизненной силы не является центральным мотивом жития и не вызывает так сильный эмоциональный подъем у читателя как исцеление князя. Однако мотив, разработанный в этом эпизоде жития княгини, важен как подтверждение чудодейственного дара святой девы Февронии. Как и в сказке о Царевне лягушке, мотив выполняет две основные функции. Гносеологическая функция заключается в дополнении характеристики княгини: ее животворящая сила – свидетельство святости, распространяется на всё окружающее. Личность святой проявляется не только в поступках, но и в реакции внешнего мира на нее, т.е. возвращении природы к жизни под воздействием благославляющих рук княгини. Аксиологическая функция оживления природы Февронией становится доказательством ее истинно положительных качеств, правильности ее поступков, соответствующих нормам христианской нравственности. Анализируемому мотиву присуща в житии также символическая функция. Оживление обрубков можно толковать как предвестие восстановления княжеского титула и власти или как будущее обретение вечной жизни княжескими супругами.

Мотив оживляющего прикосновения востребован также иным жанром церковной дидактической литературы, т.е. притчей. Этот малый фабульный жанр – «не только и не столько литературный прием, но и средство сакралистки,

⁶ *Повесть о Петре и Февронии*, подг. текстов и иссл. Р.П. Дмитриевой, Ленинград 1979, с. 322–323.

средство морального поучения (научения), способ коммуникации и выражения трансцендентного смысла морального закона»⁷. В притче нет обрисовки характеров, нет указаний на место и время действия, отсюда в анализируемом нами дидактическом рассказе *Святая тень*, опубликованном протоиереем Григорием Дьяченко в конце XIX века, повествуется о безмянном святом. Притча рассказывает о безгрешном человеке, награжденном ангелами даром исцеления и оживления. Святой желал творить добро ничего об этом не зная, поэтому способностью чудотворения была наделена его тень:

(...) когда проходил святой, его тень, отражаясь по сторонам, и позади него, покрывала зеленью утопанные дороги, украшала цветами увядшие растения, возвращала чистую воду иссохшим ручьям, свежий цвет лица – бледным малюткам, и тихую радость плачущим матерям⁸.

Мотив оживления природы прикосновением святого является главным в анализируемой притче-повествовании⁹. Именно он выражает значимость заключённой в притче идеи – любви к ближнему. Выполнение Христовых заповедей награждается особым даром, который не вытекает из самой природы человека, но дается свыше, и становится божественной силой внутри человека. Текст, приведенной нами XIX-вечной притчи, воспроизводится в Рунете на православных сайтах¹⁰, что доказывает как когнитивно-коммуникативную потенцию жанра, так и идейную актуальность конкретного сюжета и анализируемого мотива «оживляющего прикосновения».

Актуальным и востребованным данный мотив оказывается также в современном эзотерическом дискурсе. Способность возвращать к жизни растения, якобы присущая целителям, является элементом стратегии легитимации экс-

⁷ В.А. Кругликов, *Пара-сказ о метафизике Ф. Кафки*, [w:] *Человек и искусство*. Вып. 1: *Антропос и поэзис*, отв. ред. К.М. Долгов, Москва 1998, http://philosophy2.ru/iphras/library/a_p/00.html (30.08.2015).

⁸ Г. Дьяченко, *Духовные посе́вы. (Духовно-нравственное чтение для народа, школы и семьи)*, Киев 1991, репринт 1900 г., с. 224.

⁹ По классификации И.В. Бугаевой, см: И.В. Бугаева, *Притча в современном религиозном дискурсе*, „Стил” 2008, № 7, с. 69–79.

¹⁰ Например: *Притча о святой тени*, [w:] *Православное чтение онлайн*, <http://www.pra.voslavna.y.luga47region.ru/archive/index.php/t-902.html> (30.06.2015); *Святая тень*, [w:] *Апостасия Последних Вре́мён*, http://www.apostas.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=156:2009-06-15-17-44-02&catid=4:2009-05-04-15-24-24&Itemid=5 (30.06.2015); *Притча о святой тени*, [w:] *Свято-Елисаветинский монастырь*, http://www.obitel-minsk.by/_oid100017885.html (30.06.2015).

трасенсов¹¹ и псевдознахарей¹². Как заметила Галина Линдквист, среди типов легитимации современных целителей в России можно выделить, между прочим, способ подтверждения законности их деятельности, основанный на апелляции к традиции. Такая персуазивность отсылает к опыту предыдущих поколений как свидетельству правильности и эффективности данного способа лечения¹³. Например, Наталья Степанова, автор многих учебников народной магии, использовала зафиксированный в церковной традиции мотив «оживляющего прикосновения» святых для презентации своей бабушки-знахарки. Автор цитирует письмо одной из читательниц, которая вспоминая бабушку Евдокию, описывает ее поступки милосердия, погружение в молитву и одухотворенность, а также способность оживлять увядшие растения:

Человек она была необыкновенный: перевязывала больных, стирала гнойные бинты, отмаливала чужие грехи на коленях. Я сама видела, как завядшие цветы поднимались от ее прикосновения и вновь распускались. Мне она казалась удивительно красивой и доброй. Я слышала, как она пела молитвы, – ангелы, наверное, так поют в раю. В толпе молящихся ее и не видно было, она старалась быть незаметной. Скромность и одухотворенность сочетались в ней как-то по-особому. Но если бы кто-то невзначай увидел ее во время молитвы, то только от одного впечатления (сила духовная какая!) начал бы верить¹⁴.

В характеристике бабки Евдокии анализируемый нами мотив востребован наподобие упоминаемых выше жития и притчи. Личность бабки-знахарки проявляется в христианских поступках, за которые Бог вознаградил ее даром оживлять цветы. Такой положительный образ бабушки служит Степановой средством удостоверения своих личных знахарских компетенций. Она

¹¹ О феномене экстрасенсов в России см., напр.: О. Паченков, *Рациональное «заколдовывание мира»: современные российские «маги»*, [w:] *Невидимые грани социальной реальности. К 60-летию Эдуарда Фомина. Сб. статей по материалам полевых исследований. Труды. Вып. 9*, под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе, Санкт-Петербург 2001, с. 96–109, http://indepsores.spb.ru/sbornik9/9_patch.htm (05.11.2014).

¹² Публикуемые псевдознахарями магические тексты относятся к вторичным формам фольклора, т.е. видам коммерческого использования народных традиций. См. шире: А. Голембиовска-Сухорска, *Традиционные ритуалы «Денежной магии» в современном мире*, „Проблемы истории, филологии, культуры” 2012, № 2 (36), с. 311–322; А. Gołębiowska-Suchorska, *Магия и быт. Русская заговорная традиция в современном мире*, [w:] *Poetik des Alltags: russische Literatur im 18.–21. Jahrhundert / Поэтика быта. Русская литература XVIII–XXI веков*, А. Graf (Hrsg.), München 2014, s. 343–350.

¹³ G. Lindquist, *Wizards, Gurus, and Energy-Information Fields: Wielding Legitimacy in Contemporary Russian Healing*, „Anthropology of East Europe Review” 2001, nr 19: 1, s. 16.

¹⁴ Н. Степанова, *Учения и наставления моей бабушки Евдокии*, Москва 2012, с. 15, <http://www.litres.ru/static/trials/05/95/73/05957316.a6.pdf> (10.10.2014).

именуется «потомственной сибирской целительницей»¹⁵, т.е. по рождению принадлежащей к носителям знахарского дара. Следовательно, если бабушка воспринималась современниками как святая, а Богом награждалась даром чудотворения, ее способности по наследству должны усваиваться внучкой. В данном случае мотив оживления природы выполняет не только гносеологическую и аксиологическую функции, характеризуя бабушку Евдокию и выражая моральные ценности. В эзотерическом дискурсе он призван также подтвердить преемственность знахарских компетенций в роде Степановых и представить данный способ лечения как морально превосходящий другие.

Мотив «оживляющего прикосновения» использовался также для создания имиджа русского экстрасенса Джуны (Евгения Ювашевна Давиташвили). С 80-ых годов XX века в журналах появлялись информации об ее целительской деятельности. Она якобы могла, между прочим, одним движением руки заставить розу распуститься:

Жизнь Джуны была сплошной загадкой. Говорили, что она возвращала слух глухим, лечила простатит, тремор рук и ног, язву желудка, бронхиальную астму и многие другие заболевания. По словам очевидцев, она одним движением руки могла заставить розу распуститься и поставить правильный диагноз по фотографии больного. Также Джуна заявляла, что ей под силу победить даже рак и СПИД¹⁶.

Информации о даре Джуны распускать цветы многократно повторялись в прессе и непреднамеренно дублировались также авторами, пытающимися разоблачить экстрасенса¹⁷. Целительница завоевывала широкую популярность как сильнейшая носительница искусства бесконтактного массажа, т.е. лечения «наложением рук» или просто пассами¹⁸. Ее руки якобы были способны передавать жизненную силу не только растениям, но также предметам и текстам, созданным ею. Такая информация была, например, помещена во вступлении к одной из ее книг:

¹⁵ См., напр.: Н. Степанова, *1111 заговоров сибирской целительницы*, Москва 2011; Н. Степанова, *Золотое пособие народного знахаря*. Кн. 1, Москва 2013.

¹⁶ А. Павлова, *Джуна. Умерла самая известная народная целительница в новейшей истории России*, „Совершенно секретно” 2015, № 21/350, <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4858/> (27.08.2015).

¹⁷ Напр.: Э.П. Кругляков, *Что же с нами происходит?*, Новосибирск 1998, <http://gazum.ru/pseudo/krugl/01.htm> (30.08.2015); С. Кузина, *Однажды Джуна воскресила Брежнева*, „Комсомольская Правда” 1 февраля 2007, <http://kr.ua/life/388-odnazhdy-dzhuna-vokresyla-brezhneva> (20.08.2015).; О. Карелин, *Джуна – бесконтактный массаж мозгов*, [w:] *Клуб скептиков*, <http://humanistov.net/best/dzhuna/> (15.07.2015).

¹⁸ Е. Давиташвили, *Бесконтактный массаж. Профилактическая методика*, Москва 1989.

Правда же остается лишь в прикосновении ее магических рук. Картины, нарисованные этими руками, тоже обладают целебной силой. А притчи и стихи, написанные ими, наполнены энергией ее огромного любящего сердца¹⁹.

Символика руки как знака действия и силы основана на важной метафорической и практической роли этой конечности в жизни человека. Апеллируя к человеческой вере в то, что руки способны передавать духовную и физическую силу, экстрасенс сделала свои исцеляющие руки неотъемлемым элементом собственного образа, сложившегося в обществе. Аккуратное и умышленное соединение текста книги или интервью, взятого у Джуны, с фотографией²⁰ ее рук привлекало читателей и эффективно передавало информацию об ее особом даре²¹.

Остается открытым вопрос, насколько сознателен процесс творческого «воспроизведения» традиционного мотива «оживляющего прикосновения» в текстах эзотерического дискурса. Но нет сомнений, что в каждом из анализируемых нами вариантов мотива востребованной оказывается его главная семантическая возможность, заложенная в универсальных свойствах акта оживления, независимых от формы конкретной текстовой реализации. Актуальность мотива и его востребованность в фольклорных, церковных и журнально-эзотерических текстах обусловлены способностью выражать целостную тему произведения и указывать на его концепцию – противоборство двух сил: жизни и смерти, как вечной темы культуры человечества. В каждом из анализированных текстов мотив оживления природы служит средством характеристики человека, обладающего особыми качествами, которые позволяют ему вознестись над всеми прочими людьми: герои отличаются скромностью, трудолюбием, верностью, добротой, готовностью прийти на помощь. У адресатов церковной литературы положительные черты героя должны вызывать не только восхищение, но также стремление следовать нравственному образцу. В эзотерическом дискурсе особый дар целителей оживлять растения призван также внушать доверие читателей к ним. Позитивный имидж Джуны и «добрая слава», унаследованная Степановой, усиливаются с помощью этого дара,

¹⁹ Джуна Давиташвили, *Джуна: сила божественного дара. Целительные картины и произведения*, Москва 2014, с. 4. Описываемая в данной книге особая сила рук экстрасенса приводит ассоциации с сюжетами об оживленных ваятелями, живописцами, ремесленниками статуях (например, «Пигмалион» Жан-Жака Руссо) или портретах (например, *Портрет Николая Гоголя*, *Портрет Дориана Грея* Оскара Уайльда).

²⁰ Л.А. Мутовкин, *Дизайн и имидж газеты*, Омск 2005, с. 2, 8.

²¹ См., напр., статью: О. Кушанашвили, «Я – Джуна!», „Новый взгляд” 1993, й 109, http://www.newlookmedia.ru/IDNV/Novyj_Vzгляд/Stranic/Novyj_vzгляд_1993.html#8 (27.08.2015) и книгу: Джуна Давиташвили, *Бесконтактный массаж*, Ленинград 1990.

повышая рыночную силу предлагаемых ими товаров. Мотив «оживляющего прикосновения» используется в текстах, в сюжетах которых изначально заложена нравственность как характеристика сверхъестественных персонажей, свидетельство избранничества Богом или составная положительного имиджа, являющегося залогом коммерческого успеха. При этом ключевые символические значения, связываемые с мотивом оживления природы – искренность, чистота, бескорыстие и т.п. остаются неизменными на протяжении веков.